

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ – ОСЬ СОТРУДНИЧЕСТВА И СОПЕРНИЧЕСТВА В РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Аннотация: Потенциал сотрудничества в отношениях между великими державами (особенно имеющими общую границу) существенно меньше потенциала соперничества в силу существования объективных противоречий между ними. Имманентной чертой внешней политики великих держав является стремление к укреплению своего влияния в мире, в связи с чем они уделяют особое внимание регионам, важным для реализации их стратегических интересов. В данном исследовании предпринята попытка представить существенную как для расстановки сил в регионе Центральной Азии, так и состояния российско-китайских отношений проблему сотрудничества и соперничества Москвы и Пекина. В настоящее время РФ и КНР демонстрируют в своих отношениях «стратегическое партнерство», но потенциальные и реальные элементы напряженности не исчезли и вероятность появления противоречий между ними прямо пропорциональна процессу ослабления роли России в регионе и постоянно усиливающейся позиции Китая в Центральной Азии. Российско-китайское сотрудничество и соперничество существует в нескольких сферах – безопасности, экономической, политической, социально-культурной. Во всех этих областях Москву и Пекин объединяют прочные связи с регионом, как в двусторонних, так и многосторонних измерениях. Россия и Китай уделяют особое внимание безопасности и экономическому и энергетическому сотрудничеству. В статье проанализирована модель кооперации и соперничества в российско-китайских отношениях в регионе прежде всего в этих двух плоскостях.

Ключевые слова: международные отношения, внешняя политика, Китай, Россия, Центральная Азия, сотрудничество, соперничество, национальная безопасность, интересы, энергетическое сотрудничество.

Введение

Сотрудничество великих держав, как и их соперничество – одна из ключевых проблем современной науки о международных отношениях. Поэтому отношения между ведущими игроками на мировой сцене представляют собой особую задачу для практиков и теоретиков международных отношений. Потенциал сотрудничества в отношениях между великими державами (особенно имеющими общую границу) существенно меньше потенциала соперничества в силу существования объективных противоречий между ними. Имманентной чертой внешней политики великих держав является стремление к укреплению своего влияния в мире, в связи с чем они уделяют особое внимание регионам, важным для реализации их стратегических интересов (определяемых в концепциях и доктринах как сферы жизненных интересов). В числе регионов, привлекающих сегодня внимание великих держав, находится и Центральная Азия.

В данном исследовании предпринята попытка представить существенную как для расстановки

сил в регионе Центральной Азии, так и состояния российско-китайских отношений проблему сотрудничества и соперничества Москвы и Пекина. В настоящее время РФ и КНР демонстрируют в своих отношениях «стратегическое партнерство»¹, но потенциальные и реальные элементы напря-

¹ Следует подчеркнуть, что для Китая термин «стратегическое партнерство» имеет иное значение, чем это принято в России и на Западе. Формула «стратегического партнерства» как с отдельными государствами, так и группами стран служит китайцам в качестве эффективного дипломатического инструмента, увеличивающего их влияние на международной арене. То есть, эта формула рассматривается китайцами не как прелюдия к тесному сотрудничеству в военной сфере и в вопросах безопасности в рамках союза, что предполагает использование термина «стратегическое», но в долгосрочной перспективе охватывает все аспекты двустороннего сотрудничества (политические, экономические, социально-культурные, безопасность), которое не подвержено случайным (краткосрочным) осложнениям и конфликтам интересов между Китаем и другими государствами (группами государств). См.: Medeiros E.S. China's International Behavior, Activism, Opportunism and Diversification. Santa Monica, 2009. P. 82-83.

женности не исчезли и вероятность появления противоречий между ними прямо пропорциональна процессу ослабления роли России в регионе и постоянно усиливающейся позиции Китая в Центральной Азии.

Наблюдение за современным состоянием модели взаимодействия–соперничества в отношениях между Россией и Китаем в Центральной Азии дает основание для утверждения, что все еще не пришло время для ответа на вопрос, удастся ли великим державам договориться о совместном контроле над этим регионом, или же Центральная Азия станет полем их взаимной конфронтации². Возможности развития партнерских отношений в регионе будут зависеть не только от положения дел в Центральной Азии, но и от будущего российско-китайского партнерства вне региона. Несомненно, Китай представляет для России серьезнейший долгосрочный вызов в контексте Центральной Азии, впрочем, как и Россия для Китая. Оба государства являются партнерами в деятельности по ограничению влияния США в регионе и в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, но при этом они серьезнейшие конкуренты в вопросах экономического влияния.

У России и Китая различное наследие в истории их отношений с Центральной Азией, на котором они могут строить свою политику в регионе. Специфический эмоциональный груз прошлого опыта, характерный для близких соседей, создает тот особый климат, который ставит обе державы перед все новыми вызовами. В российском взгляде на регион дает о себе знать имманентное стремление руководствоваться традиционной логикой исключительной сферы влияния, что политические элиты Центральной Азии воспринимают как угрозу своей двадцатилетней независимости. В свою очередь Китай опирается в своей центральноазиатской политике на противоположную российской модель

партнерских отношений, стремясь сформировать в регионе положительный образ своего государства как серьезного и миролюбивого партнера.

Российско-китайское сотрудничество и соперничество существует в нескольких сферах – безопасности, экономической, политической, социально-культурной. Во всех этих областях Москву и Пекин объединяют прочные связи с регионом, как в двусторонних, так и многосторонних измерениях. Россия и Китай уделяют особое внимание безопасности (в его различных ипостасях) и экономическому сотрудничеству (особенно в энергетике). Анализ модели кооперация-соперничество в российско-китайских отношениях в регионе следует вести прежде всего в этих двух плоскостях. Следует подчеркнуть, что на данном этапе оба государства не конкурируют в этих сферах друг с другом открыто, они скорее пытаются создать видимость взаимной конвергенции собственных интересов в Центральной Азии.

Сотрудничество в сфере безопасности

Общность интересов в сфере безопасности между Москвой и Пекином в центральноазиатском регионе послужила основой для российско-китайской кооперации. Россия и Китай имеют схожие геополитические и геостратегические цели в Центральной Азии. К важнейшим из них относятся гарантирование безопасности и стабильности собственных границ с государствами Центральной Азии и всего региона³; борьба с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом («*three evils*»), особенно в рамках Шанхайской Организации Сотрудничества⁴; противодействие активности и долговременному присутствию США в регионе; ограничение транзитной функции Центральной Азии в наркоторговле из соседнего Афганистана⁵. Этот общий знаменатель в сфере безопасности касается вопросов фундамен-

² Эту уверенность демонстрируют в своих публикациях только те исследователи, которые объясняют международную реальность с точки зрения собственной увлеченности геополитикой и связанной с ней, как им представляется, неизбежностью конфронтации между державами, для которых геополитическое доминирование – это единственная возможность гарантировать собственные интересы в регионе. Эта конфронтационная логика находит сторонников как в самой России, так и в западных научных и политических кругах. В этом отношении показательна монография: Lo Bobo. *Axis of Convenience Moscow, Beijing, and The New Geopolitics*. London, 2008. Ср. Лукин А. Россия и Китай сегодня и завтра, [в:] Россия и Китай. Четыре века взаимодействия. Москва, 2013. С. 640.

³ Burles M. *Chinese Policy Toward Russia and the Central Asian Republics*. Santa Monica, 1999. P. 8-11.

⁴ Лузянин С.Г. Россия и Китай в Евразии. Международно-региональные измерения российско-китайского партнерства. М., 2009. С. 84; Bosbotinis J. *Sustaining the Dragon, Dodging the Eagle and Barring the Bear? Assessing the Role and Importance of Central Asia in Chinese National Strategy // China and Eurasia Forum. Quarterly*, 2010. Vol. 8. № 1. P. 68.

⁵ См.: Olcott M.B., Udalova N. *Drug Trafficking on the Great Silk Road: Security Environment in Central Asia // Working Paper*. № 11. Washington, 2000; Lubin N., Klaitz A., Barsegian I. *Narcotic Interdiction in Afganistan and Central Asia: Challenges for International Assistance*. New York, 2002.

тальной значимости не только для региональной политики России и Китая, но также сути их глобальной кооперации. Особую роль в российско-китайском сближении сыграл американский фактор, а также борьба с «тремя силами зла». Поэтому следует внимательнее присмотреться к этим двум направлениям сотрудничества.

Американский фактор играет особую роль в процессе формирования российско-китайских отношений⁶. В этом вопросе Москву и Пекин объединяет убеждение, что у Запада не должно быть возможности контролировать евроазиатское пространство, так как это угрожает интересам их безопасности. До 11 сентября 2001 г. спорадическое экономическое и политическое присутствие США в Центральной Азии не было особым вызовом. Исходным моментом к изменению подхода к присутствию американского фактора стало создание американских военных баз в Центральной Азии и антитеррористическая операция в соседнем Афганистане⁷. Китай рассматривал это как элемент, дестабилизирующий расстановку сил в регионе, что затрагивало интересы Пекина⁸. В результате произошла радикальная переориентация китайских приоритетов в Центральной Азии. Активная политика Вашингтона в регионе стала рассматриваться Пекином как угроза собственной безопасности⁹. Его ответом стало придание китайской политике в Центральной Азии более наступательного характера¹⁰. Китай находился в этом отношении

в достаточно выгодном положении, так как уже до этого, в конце 1990-х гг. им была взята на вооружение стратегия укрепления двустороннего и многостороннего сотрудничества с государствами региона. Китайское руководство заметно активизировало сотрудничество со странами Центральной Азии в сфере безопасности. Началось создание модели тесного взаимодействия. Особо подчеркивалась необходимость укрепления ШОС, которая должна была стать своего рода противовесом американскому присутствию в регионе¹¹, эффективным механизмом защиты китайских интересов в Центральной Азии¹², а также важным звеном центральноазиатской стратегии Китая.

Российская оценка дипломатического и военного наступления Вашингтона в регионе была близка китайскому пониманию проблемы. Тем не менее, Москва в первое время после 11 сентября 2001 г. разыгрывал собственную «шахматную партию» с Соединенными Штатами, дав согласие на афганскую операцию и более весомое американское присутствие в регионе¹³, чем поразила своего китайского партнера. Дополнительным обстоятельством, обеспокоившим Китай, было улучшение российско-американских отношений¹⁴. Правда, российский маневр был недолгим, но он был скрупулезно отмечен и интерпретирован китайской стороной. В результате руководители КНР поняли, что на данном этапе развития

⁶ Czarkowska E. Rola elit władzy w kształtowaniu stosunków z Chinami // *Przywództwo i elity polityczne w krajach WNP*. Tom II. T. Bodio, W. Jakubowski (red.). Warszawa, 2010. S. 190.

⁷ Lachowki Z. Foreign Military Bases in Eurasia // *SIPRI Policy Paper*. 2007 (June). № 18. P. 47; Лузянин С.Г. Политика России и Китая в „классической” Центральной Азии и формирование их обновленного имиджа в регионе // *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. Выпуск XIV. М., 2009. С. 89-91.

⁸ Т.н. цветная революция в Киргизии и события в Узбекистане в 2005 г. лишь подтвердили, по мнению многих экспертов, опасения Пекина относительно реальных планов Вашингтона в регионе и возможности влияния США на политическую ситуацию в Центральной Азии. См. в частности труды Bobo Lo, R.G. Sutter.

⁹ Дополнительным импульсом для китайской дипломатии стала беспокоившая Пекин американская активность в Азиатско-Тихоокеанском регионе. См.: Roy D. China's Reaction to American Predominance // *Survival*. 2003 (Autumn). Vol. 45. Issue 3. P. 57-78.

¹⁰ После появления американских баз в Центральной Азии Китай усилил свой военный контингент в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, на афганско-пакистанском и цен-

тральноазиатском участке границы. См.: Сыроежкин К.Л. Проблемы современного Китая и безопасность в Центральной Азии. Алматы, 2006. С. 249.

¹¹ Sutter R.G. Chinese Foreign Relations. Power and Policy Since the Cold War // Lanham, 2010. P. 256.

¹² О ШОС и ее значении в китайской внешней политике см.: Fei Gao. The Shanghai Cooperation Organization and China's New Diplomacy. Antwerp, 2010; Bailes A.J.K., Dunay P., Troitskiy M. The Shnaghai Cooperation Organization. Stockholm, 2007; Чжао Хуашен. Китай, Центральная Азия и Шанхайская Организация Сотрудничества // *Рабочие материалы*. № 5. М., 2005.

¹³ Trenin D. Contemporary Issues in International Security: Central Asia // *Central Asian Security Trends: View from Europe and Russia*, Strategic Studies Institute [US Army War College]. S. Blank (ed.). 2011. P. 44; Kuchins A. Russian Perspectives on China: Strategic Ambivalence // *The Future of China-Russia Relations*. J. Bellacqua (ed.). University Press of Kentucky, 2010. P. 41.

¹⁴ В этом случае не по инициативе российской стороны. – Cheng J. Y. S. Chinese Perceptions of Russian Foreign Policy During the Putin Administration: U.S.-Russia Relations and “Strategic Triangle” Considerations // *Journal of Current Chinese Affairs*. 2009. Vol. 38. № 2. P. 155.

ситуации в регионе они будут вынуждены использовать все доступные им инструменты для обеспечения собственных интересов в Центральной Азии. Сотрудничество с Россией, естественно, с учетом принципа ограниченного доверия, оказалось в резерве китайской политики в Центральной Азии. Тем более что потепление российско-американских отношений оказалось временной тенденцией, а президент В. Путин в ходе своего официального визита в Пекин в декабре 2002 г. подтвердил приоритетное место отношений с Китаем в своей внешней политике¹⁵.

Операция в Афганистане радикально повлияла на ухудшение региональной безопасности. Российские и китайские специалисты оценивали как весьма вероятное распространение нестабильности не только на пять центральноазиатских республик, но также на китайский Синьцзян и российский Кавказ¹⁶, что неизбежно повлекло бы за собой серьезные политические, экономические и социальные последствия¹⁷. Перспектива дестабилизации расстановки сил в регионе и возможность ухудшения внутреннего положения в России и Китае привели к тому, что на рубеже 2002-2003 гг. оба государства приступили к укреплению своих позиций в Центральной Азии.

¹⁵ Визит президента В. Путина был первой официальной возможностью для встречи с новым китайским лидером Ху Цзиньтао. Момент выхода на политическую сцену «четвертого поколения» китайских руководителей представлялся идеальной возможностью для декларирования готовности к более тесному сотрудничеству.

¹⁶ Васильев Л. Проблемы безопасности в Центральной Азии: борьба с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом в формате ШОС // Шанхайская Организация Сотрудничества. К новым рубежам развития. М., 2008. С. 225; Weitz R. The Limits of Partnership: China, NATO and the Afghan War // China Security. 2010. Issue 16. P. 21-38; Guang Pan. China's Policy on the Conflict in Afghanistan // China and Eurasia Forum Quarterly. 2010. Vol. 8. № 3. P. 115-120.

¹⁷ В концепции внешней политики РФ можно найти прямое упоминание ситуации в Афганистане как дестабилизирующего фактора, который заставляет Россию предпринимать соответствующие действия для нейтрализации угрозы. С российской точки зрения конфликт в Афганистане является реальной угрозой для безопасности южных рубежей СНГ и «прямо нарушает российские интересы». Негативные явления, связанные с афганской войной, т.е. расширение этнических конфликтов, торговля наркотиками и оружием в массовом масштабе, международный терроризм, религиозный экстремизм влияют не только на Центральную Азию, но распространяются и на территорию России. Официальная интерпретация «южной угрозы» остается постоянно актуальной в российской внешней политике и политике безопасности.

В своей новой стратегии Россия и Китай стали активно использовать двусторонние каналы сотрудничества, а также многосторонние инициативы (особенно ШОС)¹⁸. Вначале они сконцентрировались на укреплении правовых и договорных основ Шанхайской Организации Сотрудничества¹⁹. Однако обеспокоенность активностью США в регионе подтолкнула Китай и Россию к более тесному сотрудничеству с целью ограничения влияния Вашингтона. В июне 2005 г. на саммите ШОС в Астане Пекин и Москва выступили инициаторами принятия декларации о присутствии американских военных баз в Центральной Азии²⁰. На основании этого документа, но главным образом под влиянием напряженности в самом регионе, ташкентское руководство потребовало от американской стороны вывода военного контингента со своей территории²¹. Узбекистан вернулся к концепции опоры своей политики на более тес-

¹⁸ В июне 2002 г. по инициативе Китая и России была принята Хартия ШОС, в которой, наряду с определением прав и обязанностей государств-членов, была дана оценка новых, негативных тенденций в развитии ситуации в Центральной Азии и в ее непосредственном международном окружении. Текст Хартии ШОС см.: Основные документы и материалы по Шанхайской Организации Сотрудничества (Июль 2001-февраль 2005). М., 2005. С. 28-40.

¹⁹ С правовой базой ШОС можно познакомиться на странице: <http://sectsco.org> [15.06.2011].

²⁰ Fei Gao. Op. cit. P. 15. Ситуация благоприятствовала китайско-российской инициативе, потому что авторитарные руководители центральноазиатских республик изменили отношение к американской политике в регионе. Корректировка мультивекторной политики государств региона произошла на волне событий, называемых «цветными революциями». В феврале 2005 г. «тюльпановая революция» привела к смене правительства в Киргизии, а в мае 2005 г. власти Узбекистана кроваво подавили бунт в Абиджане.

²¹ Gleason G. The Uzbek Expulsion of U.S. Forces and Realignment in Central Asia // Problems of Post-Communism. Vol. 53. № 2. 2006. P. 49-60. С аналогичным требованием выступили власти Киргизии, которые многократно выражали намерение закрыть американскую базу «Манас» на своей территории. Но в этом случае, несмотря на принятие в феврале 2009 г. решения о закрытии базы, Бишкек договорился с Вашингтоном (июнь 2009) о продлении аренды авиабазы «Манас». Поэтому можно полагать, что в случае Киргизии постановка этого вопроса была всего лишь своего рода переговорной тактикой с целью согласования с американской стороной наиболее благоприятных условий аренды. В результате Вашингтон увеличил арендуемую территорию, получил также право продления аренды без необходимости нового согласования условий и оплаты до июля 2014 г. Одновременно он обязался предназначить 36 млн долларов на реконструкцию международного аэропорта в Бишкеке.

ное сотрудничество с Россией, с которой в ноябре 2005 г. он подписал «Договор о союзнических отношениях». В ст.4 этого документа говорится о возможности взаимного предоставления права пользоваться военными объектами на их территории²². Однако следует подчеркнуть, что пророссийский поворот режима Каримова не нарушил общей конструкции узбекской внешней политики, т.е. ее многовекторности. Узбекистан, как и другие центральноазиатские республики, умело использует козырь столкновения геостратегических интересов Москвы, Пекина и Вашингтона в регионе. В результате, в Центральной Азии сложилась специфическая расстановка сил, при которой ни одна из держав не обладает решительным преобладанием. Как это не парадоксально звучит, но государства региона, ставшего сферой интересов ведущих игроков международной сцены, обрели возможность более свободно реализовать цели и принципы своей внешней политики.

Политическое сближение и сотрудничество в сфере безопасности в рамках треугольника Россия – Китай – Центральная Азия сцементировала борьба с международным терроризмом, исламским экстремизмом и сепаратизмом. Москва и Пекин поддержали центральноазиатские режимы в этой борьбе по совершенно очевидным причинам. Эти явления представляли собой серьезную угрозу не только государствам региона, но и затрагивали национальную безопасность России и Китая (их территориальную целостность и стабильность, внутренний порядок и экономическое развитие). Российское руководство смотрело на проблему с точки зрения угрозы для «мягкого подбрюшья» своей страны, т.е. нестабильного Северного Кавказа²³. Для Пекина же эта проблема была тесно связана с граничащей с центральноазиатскими государствами провинцией Синьцзян²⁴ и уйгурским

сепаратизмом²⁵.

Ощущение угрозы и общность интересов являются благоприятными предпосылками для углубления сотрудничества в сфере безопасности между Россией, Китаем и государствами Центральной Азии. Механизмом, интегрирующим усилия в борьбе с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом, стала Шанхайская Организация Сотрудничества. Уже на установочном саммите в июне 2001 г. была принята Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (15.06.2001 г.)²⁶. Итогом общности интересов членов ШОС стало создание в 2004 г. Региональной антитеррористической структуры (РАТС ШОС)²⁷, которая выполняет функции координации и информации, а также оказывает аналитическую поддержку соответствующим силовым структурам государств ШОС, которые занимаются антитеррористической деятельностью. Основные формы взаимодействия в этой области представлены в Концепции сотрудничества государств-членов ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, принятой в Астане 5 июля 2005 г.²⁸ В качестве главных названы: согласование превентивных действий; консультации при проведении следственных мероприятий; ведение совместных антитеррористических операций; обмен информацией (в том числе и секретной); оказание правовой помощи; организация совместных антитеррористических учений; обмен опытом.

Скоординированное сотрудничество в области безопасности между Россией и Китаем возможно, в частности, потому, что Москва заняла позицию главного стратегического и военного

сообщающихся сосудов. Это было особенно заметно в ходе беспорядков в провинции Синьцзян в июле 2009 г.

²⁵ Подробнее см.: Bovingdon G. *Autonomy in Xinjiang: Han Nationalist Imperatives and Uyghur Discontent* // East-West Center Policy Studies. № 11. Washington, 2004; Xinjiang: China's Muslim Borderland. S.F. Starr (ed.). Armonk, New York, 2004; Clarke M. *China's Integration of Xinjiang with Central Asia: Securing a „Silk Road” to Great Power Status?* // China and Eurasia Forum Quarterly. 2008. Vol. 6. № 2. P. 89-111.

²⁶ Важнейшие документы Шанхайской Организации Сотрудничества, относящиеся к антитеррористическому взаимодействию, см.: *Counter-Terrorism and Human Rights: The Impact of the Shanghai Cooperation Organization*. Hong Kong – New York, 2011. P. 127-212; [http://www.ecrats.com/ru/normative_documents/2172\[26.07.2010\]](http://www.ecrats.com/ru/normative_documents/2172[26.07.2010]).

²⁷ Zhu Zhiqun. *China's New Diplomacy: Rationale, Strategies, and Significance*. Ashgate, 2010. P.120

²⁸ *Counter-Terrorism ...* Op. cit. P.166-171.

²² Lachowki Z. Op. cit. P. 54.

²³ См.: Oldberg I. *The War on Terrorism in Russian Foreign Policy*. Stockholm, 2006.

²⁴ Haliżak E. *Polityka i strategia Chin w kształtowaniu międzynarodowego bezpieczeństwa* // Żurawia Papers. Zeszyt 10. Warszawa 2007. S. 87; Бондаренко В. Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая в начале XXI века. М., 2011. Уйгурские сепаратисты нашли базу и особую поддержку в Центральной Азии, где уйгурская диаспора проживает в Казахстане, Киргизии и Узбекистане (она насчитывает от 500 тыс. до 1 млн чел.). В результате внутреннее положение в Уйгурском автономном районе и в государствах Центральной Азии, в которых проживает уйгурское меньшинство, накладывается друг на друга, создавая своеобразную систему

партнера пяти центральноазиатских государств. Существенным условием является также то, что эти государства не совсем готовы к развитию сотрудничества между собой (слабая выучка войск, нехватка высококачественного военного снаряжения). В этих условиях Россия остается главным военным партнером, пользуясь в полном объеме привилегированной позицией (военные базы, совместные маневры, сотрудничество в области разведки и т.д.). Начиная с 2000 г., Кремль совместно с государствами Центральной Азии предпринял ряд многосторонних инициатив в сфере безопасности (в рамках СНГ, ОДКБ, ШОС)²⁹, прежде всего реализуя задачи собственной антитеррористической политики. В этой ситуации Китай, реально оценивая свои актуальные возможности в области военного сотрудничества с государствами региона, не ставит под сомнение российскую позицию.

Конечно, это временное состояние. В долгосрочной перспективе постоянно укрепляющаяся позиция Китайской Народной Республики на международной арене и утверждение ее статуса великой державы будут служить расширению китайской оферты сотрудничества также на сферу, в которой Россия доминирует. Но форма предоставления этой оферты будет в значительной степени зависеть от состояния и качества российско-китайских отношений, а также значения России во внешней политике Китая в будущем.

Экономика и энергетика: сотрудничество или соперничество?

Экономические вопросы – это ключевая проблема в дебатах о российско-китайском присутствии в Центральной Азии. Россия и Китай имеют в этой сфере определенный потенциал взаимодействия, но также и соперничества. Прагматический подход, который сегодня демонстрируют в своей внешней политике оба государства, является достаточной предпосылкой для того, чтобы не прибегать к действиям, направленным против интересов партнера. Но ситуация как в региональном, так и глобальном измерении настолько динамична, что в научной и аналитической среде обсуждается вопрос о вероятности перехода России и Китая от формулы «стратегического партнерства» к «стра-

тегическому соперничеству». Одной из нескольких взрывоопасных проблем в российско-китайских отношениях является Центральная Азия. Потенциальным источником существенной напряженности на линии Москва-Пекин являются различия в экономическом потенциале этих государств³⁰.

Китай систематически усиливает свое экономическое влияние в Центральной Азии³¹, которое составляет незначительную долю его активности в этой области на международной арене. Сейчас это второй после России торговый партнер Центральной Азии, а объем торговли Китая с Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном практически приблизился к уровню торговли между Россией и этими странами³². Благоприятная для Китая ситуация берет свое начало в 2000 г. Если в 2000-2003 гг. торговый оборот между Россией и Центральной Азией оставался на уровне 1990-х гг. (6-7 млрд долларов в год), то торговля между Китаем и регионом увеличилась более чем на 200% (с 1 млрд до более 3 млрд долларов)³³, в 2007 г. торговля России с центральноазиатскими странами достигла более 22 млрд долларов, а Китая – более 19,5 млрд долларов³⁴.

Несомненно, в торговом балансе России и Китая особое место занимает экспорт из Центральной Азии энергетического сырья. Именно в этом контексте обе державы оценивают роль и значение региона в своей внешней политике и энергетической стратегии.

Китай, чья экономика испытывает зависимость от внешних источников поставок энергоносителей³⁵, активно ищет возможность получения

³⁰ Если в начале 1990-х гг. Китай и Россия были близки по уровню экономического развития, то уже в 2008 г. китайская экономика превосходила российскую в 3,5 раза, а мировой финансово-экономический кризис только увеличил этот разрыв.

³¹ Об экономических отношениях между Китаем и Центральной Азией см.: Жуков С.В., Резникова О.Б. Центральная Азия и Китай: экономическое взаимодействие в условиях глобализации. М., 2009.

³² Graham T. The Sources of Russia's Insecurity // Survival. 2010. Vol. 52. № 1. P. 63.

³³ Paramonov V., Stokov A. Ekonomicheskoe prisutstvie Rossii i Kitaja v Central'noj Azii // Central Asian Series, Conflict Studies Research Center, Defence Academy of the United Kingdom, 2007. P. 3; Laurelle M., Peyrouse S. Op. Cit. P. 39-40.

³⁴ Ziegler Ch.E. Russia and China in Central Asia // The Future of China-Russia Relations. James'a Bellacqua (ed.). Kentucky, 2010. P. 252-253.

³⁵ Halizak E. Op. cit. S. 124; Жуков С.В., Резникова О.Б. Цит. произв. С. 86-90.

²⁹ См.: Paramonov V., Stolpovski O. Russia and Central Asia: Multilateral Security Cooperation. Defence Academy of The United Kingdom. March 2008; Никитина Я.А. ОДКБ и ШОС: модели регионализма в сфере безопасности. М., 2009.

нефти и газа непосредственно от центральноазиатских государств, минуя «российское звено»³⁶. Постоянно растущая потребность в энергетическом сырье, а также динамичный рост цен на нефть стимулируют энергетическую стратегию Пекина, а также деятельность китайской дипломатии и деловых кругов в регионе Центральной Азии³⁷.

Китайская энергетическая политика в Центральной Азии в 1990-е гг. имела достаточно ограниченную формулу. Решения китайских энергетических компаний об инвестициях в Центральной Азии были приняты в 1997 г., однако их активность имела скорее экспериментальный характер³⁸. И лишь после 2001 г., под влиянием новых обстоятельств, положение изменилось. В числе благоприятствующих этому факторов можно назвать китайский энергетический «голод»³⁹ и рост цен на энергоносители на мировых рынках, а также необходимость диверсификации источников поставок энергетического сырья⁴⁰. Кроме того, события 11 сентября 2001 г. внесли коррективы в международную ситуацию (введение американских вооруженных сил в Центральную Азию, американская интервенция в Ираке, давление на Иран). В результате обострилось глобальное соперничество за доступ к мировым месторождениям сырья. Сложилось также убеждение, что регионы, которые до сих пор считались главными поставщиками энер-

гетического сырья, могут подвергнуться серьезным долговременным потрясениям и дестабилизирующим факторам.

В связи с этим Центральная Азия стала для Китая одним из основных элементов энергетического «ребуса» в XXI в. Не подлежит сомнению, что китайские энергетические фирмы, инвестирующие на мировых рынках, в настоящее время пользуются дипломатической и финансовой поддержкой Пекина, что позволяет успешно реализовать китайские интересы. Китай систематически расширяет свое поле маневра в регионе, включается в энергетические проекты в Центральной Азии. Особое внимание китайские энергетические компании обращают на возможности Казахстана, Туркмении и Узбекистана. Китайские компании имеют в регионе многочисленные энергетические проекты, находящиеся как в фазе планирования, так и реализации. Китай заинтересован в центральноазиатской нефти (краткосрочно) и газе (долгосрочно)⁴¹.

Первым энергетическим проектом, непосредственно соединившим Китай с Центральной Азией, стал нефтепровод от казахского побережья Каспийского моря до китайского Синьцзяна⁴². Строительство нефтепровода длиной 3040 км было разделено на три отдельных этапа⁴³, нефть

³⁶ Chow E.C., Hendrix L.E. Central Asia's Pipelines: Field of Dreams and Reality // NBR Special Report. (September) 2010. № 23. P. 36; Zhu Zhinqun. Op. cit. P. 111.

³⁷ Подробнее см.: Guan Pan. China and Energy Security in Central Asia // Central Asia and Caucasus. 2007. Vol. 48. № 6. P. 85-91; Matveev V. China's Gas Policy in Central Asia // Central Asia and Caucasus. 2008. Vol. 53. № 5. P. 77-88.

³⁸ В 1997 г. China National Petroleum Corporation (CNPC) подписала контракт, по которому китайская сторона получила право эксплуатации месторождения Актобе в Казахстане (в мае 2003 г. CNPC увеличила свою долю в Актобемунгайгазе с 60,3% до 85,42%).

³⁹ См.: Zweig D., Jianhai Bi. China's Global Hunt for Energy // Foreign Affairs. (September/October) 2005. Vol. 84. № 5. P. 25-38. Китай импортирует более 40% потребляемой им энергии, при этом полагают, что спрос на внешние источники энергии может возрасти до 85% в 2030 г. Китай сегодня второй после США потребитель энергии в мире.

⁴⁰ Китай решил рассматривать проблему энергетических ресурсов как стратегическую и разработать новую энергетическую стратегию, отвечающую вызовам XXI в. Проблема диверсификации источников энергии стала одной из главных двигателей динамичного экономического развития. Если в 1989 г. у Китая было 5 источников поставок энергетического сырья, то в 2005 г. их было уже 32.

⁴¹ В настоящее время центральноазиатский газ покрывает лишь небольшую часть китайских энергетических потребностей, однако, по мнению экспертов, спрос на газ в Китае будет постоянно расти. См.: Garrison J.A. China and The Energy Equation in Asia: The Determinants of Policy Choice. Boulder, London, 2009.

⁴² Gleason G. China, Russia, and Central Asia: Triangular Energy Politics // China's Energy Relations with the Developing World. C. Liu i M. Dorraja (eds.). New York, London, 2011. P. 86.

⁴³ Первый из них находится между Кенкияком и Атырау (западный участок). После подписания соглашения между CNPC и Казмунайгазом в октябре 2001 г., уже в мае 2002 г. началось строительство. Газопровод длиной в 448,8 км заработал в марте 2003 г. (пропускная способность – 5,9 млн тонн нефти в год). Вторая очередь инвестиции длиной в 962,2 км (центральный участок), расположенная между Атасу в Центральном Казахстане и Алашаньюку на казахстанско-китайской границе, соединяется с газопроводом Алашаньюку-Душанзи в Синьцзяне. Этот отрезок газопровода начал действовать в июле 2006 г. Третий отрезок, Кенкияк-Кумколь, должен соединить месторождения в Казахстане, обе стороны договорились об этом в августе 2007 г., полная пропускная способность всей инвестиции должна составить 20 млн тонн в год. См.: Castes R. China's oil and gas supply strategy in its Western Margins (Xinjiang and Central Asia) // Материалы международной конференции «Центральная Азия-Китай: состояние и перспективы сотрудничества». Алматы, 2008. С. 104-105.

из Казахстана стала поступать в Синьцзян в июле 2006 г.⁴⁴. Стратегию Китайского нефтяного концерна в отношении Казахстана следует рассматривать в контексте внутренней энергетической стратегии Китая, так как цель сделки между Пекином и Астаной заключается не только в доведении трубопровода до Синьцзяна, но и до густо заселенного и быстро развивающегося восточного побережья Китая⁴⁵. Таким образом, внешняя инвестиционная деятельность полностью подчинена долгосрочным социально-экономическим целям Среднего государства.

Туркмения и Таджикистан пошли в энергетическом сотрудничестве по пути, проложенному Казахстаном, видя в энергетическом сотрудничестве с Китаем не только экономические выгоды, но и своего рода противовес российскому влиянию, а также существенный элемент сбалансирования региональной расстановки сил, в которой Астана претендует на роль лидера⁴⁶. Пекин принял во внимание и положительные последствия ведения энергетических переговоров с государствами региона. Это конечно же расширило возможности Китая как в связи с их стратегией диверсификации поставщиков энергоносителей, так и при согласовании содержания контрактов с российскими энергетическими «гигантами». Кроме того, китайские планы расширения сотрудничества приобрели реальное очертание после его допуска в сентябре 2004 г. к эксплуатации газопровода «Запад-Восток I», соединяющего Урумчи с Шанхаем. В результате китайская сторона заинтересовалась более широким сотрудничеством в газовой сфере с государствами Центральной Азии⁴⁷. Перелом в сотрудни-

честве в газовой области произошел в апреле 2006 г., когда КНР и Туркмения подписали стратегическое соглашение о развитии газового сектора, по которому предусматривалось строительство газопровода из Туркмении в Китай (мощностью в 30 млрд кубометров в год, сроком на 30 лет, с началом поставок в 2009 г.). Достаточно взгляда на карту, чтобы понять, что Пекин после реализации этой инвестиции привлечет к сотрудничеству не только туркменского партнера, но и Узбекистан и Казахстан как транзитные государства и соединить трубопроводные системы Туркмении – Узбекистана – Казахстана – Китая⁴⁸. В результате, 14 декабря 2009 г. начал действовать газопровод протяженностью в 1833 км (из Туркмении в Синьцзян), подключенный к китайской внутренней трубопроводной сети (общая протяженность 7 тыс. км)⁴⁹.

Реализация этого инвестиционного проекта влечет за собой существенные последствия для региона Центральной Азии, Китая, а также России. Этим Китай бросает вызов одной из основных стратегических целей Москвы – получению позиции монополиста, контролирующего транзит энергоносителей в Евразии⁵⁰. Поиск новых воз-

в Китай. Конечно, достижение этой цели требует соответствующих финансовых и инфраструктурных инструментов, и Россия готова нести необходимые расходы. Нужно также посмотреть на эту проблему с важнейшей для России точки зрения – высшей целью российского энергетического сотрудничества с Китаем является экономическое развитие и модернизация российского Дальнего Востока и Сибири. Москва реализует стратегию оживления этих, десятилетиями запущенных, регионов, прекрасно понимая, что китайский фактор имеет фундаментальное значение для этого проекта. В этом широком контексте ситуацию усложняют центральноазиатские конкуренты, с которыми Россия должна поделиться китайским «торгом». См.: «Энергетическая стратегия России на период до 2030 года», принятая правительством 13 ноября 2009 г. // <http://www.minenergo.gov.ru> [20.12.2009]

⁴⁴ Blank S. China's Emerging Energy Nexus with Central Asia // China Brief. Vol. 6. 2006. № 15.

⁴⁵ Laurelle M., Peyrouse S. Op. cit. P. 45.

⁴⁶ На тему игры интересов государств региона см.: Олкотт М. Второй шанс Центральной Азии. Москва – Вашингтон, 2005; Сотрудничество и безопасность в Центральной Азии в условиях политической и социально-экономической трансформации. Алматы, 2007.

⁴⁷ Сотрудничество в газовой сфере между Китаем и Центральной Азией является откровенным вызовом интересам и основам российской энергетической стратегии как в отношении китайского партнера, так и государств региона. По сути, укрепление этой кооперации осложняет главную и долгосрочную цель российской энергетической дипломатии – динамический выход на китайский (и шире – азиатский) рынок российских газовых компаний. Согласно оценке многих экспертов, не нефть, а газ в более длительной перспективе будет составлять главную статью российского экспорта

⁴⁸ Из содержания этого соглашения следует, что китайская сторона обязалась платить за газ на границе Туркмении. Это означает, что Пекин, подписывая договор с Ашхабадом, уже имел полную ясность относительно положительной реакции Узбекистана и Казахстана на эту инициативу. А в ст.5 китайская сторона обязалась согласовать с Узбекистаном и Казахстаном условия транзита. – Жуков С.В., Резникова О.Б. Цит. произв. С. 110.

⁴⁹ Подробнее см.: Blank S. The Strategic Implications of the Turkmenistan – China Pipeline Project // China Brief. 2010 (February 4). Vol. 10. № 3. P. 10-12.

⁵⁰ Важнейшей долгосрочной целью российской энергетической стратегии является обеспечение равновесия между европейским и азиатским (Азиатско-Тихоокеанский регион) векторами. Совершенно естественно, что эта цель может

возможностей поставок энергетического сырья в Центральной Азии порождает вполне понятное напряжение в отношениях с российским партнером. Конкуренция между российскими и китайскими энергетическими интересами – в более широком центральноазиатском контексте – набирает силу. Однако следует подчеркнуть, что в текущий момент эта борьба носит закулисный характер, и не оказывает серьезного влияния на состояние двусторонних отношений. Россия стремится к повышению уровня энергетической зависимости Китая от своих ресурсов, а также ограничению возможностей действия других внешних компаний на центральноазиатском рынке, в том числе китайских. А Пекин решительно стремится к расширению числа поставщиков сырья на китайский рынок. Для этого он готов договариваться с государствами Центральной Азии напрямую, независимо от российского влияния. Однако это не означает, что в перспективе российские поставки нефти и газа могут быть заменены центральноазиатскими источниками. Но в энергетических отношениях в треугольнике Россия – Центральная Азия – Китай появился элемент конкуренции. Китай может рассчитывать на диверсификацию поставщиков, и тем самым гарантировать себя на случай недобора в российском или центральноазиатском импорте. Кроме того, контракты с Казахстаном, Туркменией и Узбекистаном могут служить Пекину средством давления на Москву, что, несомненно, открывает перед китайцами возможность для торга с россиянами относительно более выгодных цен⁵¹.

быть достигнута только во взаимодействии с китайским партнером, а также в тесной кооперации с центральноазиатскими государствами, которые подписанными с Россией контрактами гарантируют, что обязательства Москвы в отношении ее партнеров (например, европейских) будут полностью выполнены. О многоуровневой структуре российско-китайских энергетических отношений см.: Christofferson G. Multiple Levels of Sino-Russian Energy Relations // *Eurasia's Ascent in Energy and Geopolitics. Rivalry or Partnership for China, Russia and Central Asia?* N. Swanstrom, R.E. Badeski (eds.). London – New York, 2012. P. 135-159.

⁵¹ В этой связи следует напомнить о длительных переговорах о российско-китайском газовом контракте. Все детали этого договора были согласованы 13 октября 2009 г., но спорным вопросом оставалась формула цены. Исходное предложение российской стороны, 352 доллара за кубометр газа, связано с ценой на европейском рынке. А китайцы предложили около 250 долларов. Пекин, делая свое предложение, основывался на цене, которую он платит за газ в Центральной Азии. Китай придерживается в отношении Москвы продуманной переговорной стратегии в рамках энергетического сотрудничества. В июне 2011 г. китайский лидер Ху Цзинь-

Двустороннее сотрудничество в экономической области является одной из опор отношений между Китаем, Россией и государствами Центральной Азии. Инструментом поддержки китайской экономической дипломатии стала Шанхайская Организация Сотрудничества⁵². Пекин с особой настойчивостью ставит экономические вопросы на форуме этой организации⁵³. Переход к китайской стороне инициативы в сфере экономики в рамках ШОС приводит к тому, что Россия, ограничивая свою активность в рамках этой структуры, поддерживает свое экономическое влияние в Центральной Азии с помощью ЕврАзЭС⁵⁴, а также двусторонних отношений со странами региона. Таким образом, Россия, исходя из понимания роли китайского фактора в собственном экономическом развитии, а также многостороннего сотрудничества с Пекином, одновременно обеспечивает геэкономические интересы не только в отношениях с регионом, но и со своим китайским партнером.

Выводы

Общепризнанно, что Россия и Китай обладают определенным потенциалом в сфере как кооперации, так и соперничества в Центральной Азии. Но, как представляется, оба государства прекрасно понимают, что на данном этапе развития двусторонних отношений для них выгоднее сотрудничество (согласно правилу *win-win*). А жесткая конфрон-

тао в ходе своего зарубежного турне направился в Москву через Астану, где было достигнуто соглашение о строительстве третьей нитки газопровода, связывающего Туркмению – Узбекистан – Казахстан – Китай (пропускная способность 25 млрд кубометров в год), завершение которого планировалось в 2013 г. Драматургия ценовых торгов между Пекином и Москвой однозначно свидетельствует, что внешняя политика обоих государств руководствуется прагматизмом и твердым экономическим расчетом. И хотя было запланировано подписание газового контракта в ходе визита китайского руководителя в Россию, но ни одна из сторон не уступила ради газового дипломатического успеха. Ситуация повторилась и во время официального визита премьера В.Путина в Пекин в октябре 2011 г.

⁵² Shambaugh D. China Engages Asia. Reshaping the Regional Order // *International Security*. 2004/05 (Winter). Vol. 29. № 3. P. 74; Chung Chien-peng. The Shanghai Co-operation Organization: China's Changing Influence in Central Asia // *The China Quarterly*. 2004. Vol. 180. P. 1007-1008.

⁵³ Flikke G., Wilhelmssen J. Op. cit. P. 47.

⁵⁴ Oldberg I. The Shanghai Cooperation Organization: Powerhouse or Paper Tiger? Stockholm, 2007. P. 28.

тация не только может нарушить российско-китайские отношения, но и привести к замедлению динамики экономического развития, снижению уровня безопасности и потерям в имидже обоих государств на международной арене. Прагматизм, которым пронизана российская и китайская внешняя политика сегодня является достаточным тормозом безопасности в случае случайных конфликтов. Точно так же гибкость, присущая политике КНР и РФ, служит стимулятором сотрудничества в их взаимных отношениях.

Но не следует игнорировать тот факт, что динамичное вступление Китая в игру в Центральной Азии радикально изменило стратегическую картину. Со всей уверенностью можно утверждать, что это может иметь более длительные последствия для региона, чем американская активность. Китайское присутствие в этом регионе является следствием особого стечения обстоятельств. Китай возродил свой интерес к Центральной Азии вследствие нескольких устойчивых обстоятельств: географической близости, исторических условий, тре-

бований текущей безопасности и экономических расчетов. Процесс укрепления китайских отношений с Центральной Азией в области политики, экономики и региональной безопасности является устойчивой тенденцией. Что, вполне естественно, беспокоит Москву.

Поэтому обоснован поиск ответов на вопросы, окажет ли серьезное присутствие китайского фактора в формировании регионального порядка в Центральной Азии существенное влияние на «стратегическое партнерство» с Россией? Станет ли активность Китая источником напряженности, или же руководители обоих государств продемонстрируют политическое чутье и сдержанность как в выстраивании двусторонних, так и в процессе укрепления многостороннего сотрудничества? Станет ли Центральная Азия по мере выравнивания пропорций влияния и статуса России и Китая на международной арене стимулятором постоянной конвергенции интересов, или же сотрудничество по линии Пекин-Москва будет опираться только на их стремление сдержать США?

Библиография:

1. Medeiros E.S. China's International Behavior, Activism, Opportunism and Diversification. Santa Monica, 2009. P. 82-83
2. Lo Bobo. Axis of Convenience Moscow, Beijing, and The New Geopolitics. London, 2008.
3. Лукин А. Россия и Китай сегодня и завтра, [в:] Россия и Китай. Четыре века взаимодействия. Москва, 2013.
4. Burles M. Chinese Policy Toward Russia and the Central Asian Republics. Santa Monica, 1999. P. 8-11.
5. Лузянин С.Г. Россия и Китай в Евразии. Международно-региональные измерения российско-китайского партнерства. М., 2009.
6. Bosbotinis J. Sustaining the Dragon, Dodging the Eagle and Barring the Bear? Assessing the Role and Importance of Central Asia in Chinese National Strategy // China and Eurasia Forum. Quarterly, 2010. Vol. 8. № 1. P. 68.
7. Olcott M.B., Udalova N. Drug Trafficking on the Great Silk Road: Security Environment in Central Asia // Working Paper. № 11. Washington, 2000;
8. Lubin N., Klaitis A., Barsegian I. Narcotic Interdiction in Afganistan and Central Asia: Challenges for International Assistance. New York, 2002.
9. Czarkowska E. Rola elit władzy w kształtowaniu stosunków z Chinami // Przywództwo i elity polityczne w krajach WNP. Tom II. T. Bodio, W. Jakubowski (red.). Warszawa, 2010. S. 190.
10. Lachowki Z. Foreign Military Bases in Eurasia // SIPRI Policy Paper. 2007 (June). № 18. P. 47;
11. Лузянин С.Г. Политика России и Китая в „классической” Центральной Азии и формирование их обновленного имиджа в регионе // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XIV. М., 2009. С. 89-91.
12. Roy D. China's Reaction to American Predominance // Survival. 2003 (Autumn). Vol. 45. Issue 3. P. 57-78.
13. Сыроежкин К.Л. Проблемы современного Китая и безопасность в Центральной Азии. Алматы, 2006.
14. Sutter R.G. Chinese Foreign Relations. Power and Policy Since the Cold War // Lanham, 2010.
15. Fei Gao. The Shanghai Cooperation Organization and China's New Diplomacy. Antwerp, 2010;
16. Bailes A.J.K., Dunay P., Troitskiy M. The Shnaghai Cooperation Organization. Stockholm, 2007;
17. Чжао Хуашен. Китай, Центральная Азия и Шанхайская Организация Сотрудничества // Рабочие материалы. № 5. М., 2005.
18. Trenin D. Contemporaty Issues in International Security: Central Asia // Central Asian Security Trends : View from Europe and Russia, Strategic Studies Institute [US Army War College]. S. Blank (ed.). 2011. P. 44;
19. Kuchins A. Russian Perspectives on China: Strategic Ambivalence // The Future of China-Russia Relations. J. Bellacqua (ed.). University Press of Kentucky, 2010.
20. Cheng J. Y. S. Chinese Perceptions of Russian Foreign Policy During the Putin Administration: U.S.-Russia Relations and "Strategic Triangle" Considerations // Journal of Current Chinese Affairs. 2009. Vol. 38. № 2. P. 155.
21. Васильев Л. Проблемы безопасности в Центральной Азии: борьба с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом в формате ШОС // Шанхайская Организация Сотрудничества. К новым рубежам развития. М., 2008.

22. Weitz R. The Limits of Partnership: China, NATO and the Afghan War // China Security. 2010. Issue 16. P. 21-38;
23. Guang Pan. China's Policy on the Conflict in Afghanistan // China and Eurasia Forum Quarterly. 2010. Vol. 8. № 3. P. 115-120.
24. Основные документы и материалы по Шанхайской Организации Сотрудничества (Июль 2001-февраль 2005). М., 2005. С. 28-40.
25. <http://sectscsco.org> [15.06.2011].
26. Gleason G. The Uzbek Expulsion of U.S. Forces and Realignment in Central Asia // Problems of Post-Communism. Vol. 53. № 2. 2006. P. 49-60.
27. Oldberg I. The War on Terrorism in Russian Foreign Policy. Stockholm, 2006.
28. Haliżak E. Polityka i strategia Chin w kształtowaniu międzynarodowego bezpieczeństwa // Żurawia Papers. Zeszyt 10. Warszawa 2007. S. 87;
29. Бондаренко В. Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая в начале XXI века. М., 2011.
30. Bovingdon G. Autonomy in Xinjiang: Han Nationalist Imperatives and Uyghur Discontent // East-West Center Policy Studies. № 11. Washington, 2004;
31. Xinjiang: China's Muslim Borderland. S.F. Starr (ed.). Armonk, New York, 2004;
32. Clarke M. China's Integration of Xinjiang with Central Asia: Securing a „Silk Road” to Great Power Status? // China and Eurasia Forum Quarterly. 2008. Vol. 6. № 2. P. 89-111.
33. Counter-Terrorism and Human Rights: The Impact of the Shanghai Cooperation Organization. Hong Kong – New York, 2011. P. 127-212; http://www.ecrats.com/ru/normative_documents/2172[26.07.2010].
34. Zhu Zhiqun. China's New Diplomacy: Rationale, Strategies, and Significance. Ashgate, 2010.
35. Paramonov V., Stolpovski O. Russia and Central Asia: Multilateral Security Cooperation. Defence Academy of The United Kingdom. March 2008;
36. Никитина Я.А. ОДКБ и ШОС: модели регионализма в сфере безопасности. М., 2009.
37. Жуков С.В., Резникова О.Б. Центральная Азия и Китай: экономическое взаимодействие в условиях глобализации. М., 2009.
38. Graham T. The Sources of Russia's Insecurity // Survival. 2010. Vol. 52. № 1. P. 63.
39. Ziegler Ch.E. Russia and China in Central Asia // The Future of China-Russia Relations. James'a Bellacqua (ed.). Kentucky, 2010. P. 252-253.
40. Haliżak E. Op. cit. S. 124; Жуков С.В., Резникова О.Б. Цит. произв. С. 86-90.
41. Chow E.C., Hendrix L.E. Central Asia's Pipelines: Field of Dreams and Reality // NBR Special Report. (September) 2010. № 23. P. 36;
42. Guan Pan. China and Energy Security in Central Asia // Central Asia and Caucasus. 2007. Vol. 48. № 6. P. 85-91;
43. Matveev V. China's Gas Policy in Central Asia // Central Asia and Caucasus. 2008. Vol. 53. № 5. P. 77-88.
44. Zweig D., Jianhai Bi. China's Global Hunt for Energy // Foreign Affairs. (September/October) 2005. Vol. 84. № 5. P. 25-38.
45. Garrison J.A. China and The Energy Equation in Asia: The Determinants of Policy Choice. Boulder, London, 2009.
46. Gleason G. China, Russia, and Central Asia: Triangular Energy Politics // China's Energy Relations with the Developing World. C. Liu i M. Dorraja (eds.). New York, London, 2011. P. 86.
47. Castes R. China's oil and gas supply strategy in its Western Margins (Xinjiang and Central Asia) // Материалы международной конференции «Центральная Азия–Китай: состояние и перспективы сотрудничества». Алматы, 2008. С. 104-105.
48. Blank S. China's Emerging Energy Nexus with Central Asia // China Brief. Vol. 6. 2006. № 15.
49. Олкотт М. Второй шанс Центральной Азии. Москва – Вашингтон, 2005; Сотрудничество и безопасность в Центральной Азии в условиях политической и социально-экономической трансформации. Алматы, 2007.
50. «Энергетическая стратегия России на период до 2030 года», принятая правительством 13 ноября 2009 г. // <http://www.minenergo.gov.ru> [20.12.2009]
51. Blank S. The Strategic Implications of the Turkmenistan – China Pipeline Project // China Brief. 2010 (February 4). Vol. 10. № 3. P. 10-12.
52. Christofferson G. Multiple Levels of Sino-Russian Energy Relations // Eurasia's Ascent in Energy and Geopolitics. Rivalry or Partnership for China, Russia and Central Asia? N. Swanstrom, R.E. Badeski (eds.). London – New York, 2012. P. 135-159.
53. Shambaugh D. China Engages Asia. Reshaping the Regional Order // International Security. 2004/05 (Winter). Vol. 29. № 3. P. 74;
54. Chung Chien-peng. The Shanghai Co-operation Organization: China's Changing Influence in Central Asia // The China Quarterly. 2004. Vol. 180. P. 1007-1008.
55. Oldberg I. The Shanghai Cooperation Organization: Powerhouse or Paper Tiger? Stockholm, 2007. P. 28.
56. Манойло А.В. Роль стратегий управляемого хаоса в формировании нового миропорядка // Право и политика. – 2014. – № 5. – С. 638-651. DOI: 10.7256/1811-9018.2014.5.11816.
57. Манойло А.В. Украинский кризис и «управляемый хаос»: след «цветных революций» Арабской Весны. // Власть. 2014. №4. С. 24-28.
58. Манойло А.В. Урегулирование и разрешение международных конфликтов. // Мир и Политика. 2013. №10. С. 130-140.
59. Манойло А.В. Специфика цветных революций «арабской весны». // Известия Уральск. Федерального Ун-та. Сер. 3. Общественные науки. 2013. №3. С. 30-36.
60. Манойло А.В. Геополитическая картина современного мира. //Национальная безопасность/nota bene.-2013.-№5. – С. 149-155.

61. Кондаков С.А. Энергетическая стратегия России на пространстве СНГ // Тренды и управление. – 2013. – 3. – С. 108 – 115. DOI: 10.7256/2307-9118.2013.3.5274.
62. С. А. Сидоров Концепция национальной безопасности КНР в контексте международной и национальной безопасности России. // Право и политика. – 2011. – 9. – С. 1514 – 1524.
63. С. А. Николаев Политика США в Центральной Азии // Национальная безопасность / nota bene. – 2011. – 4. – С. 43 – 53.
64. С. А. Николаев Противодействие вызовам и угрозам международной и региональной безопасности в Центральной Азии // Национальная безопасность / nota bene. – 2011. – 6. – С. 46 – 54.
65. Костюхин А.А. Западная экспертная оценка возможностей и перспектив военного сотрудничества с государствами Центральной Азии // Международные отношения. – 2013. – 1. – С. 55 – 79. DOI: 10.7256/2305-560X.2013.01.8.
66. С. А. Николаев Политика России в Центрально-Азиатском регионе // Национальная безопасность / nota bene. – 2011. – 5. – С. 15 – 24.
67. Карпович О.Г. Афганистан – 2014 во внешнеполитической стратегии США и Канады // Международные отношения. – 2013. – 4. – С. 510 – 512. DOI: 10.7256/2305-560X.2013.4.7305.
68. О.Г. Карпович Особенности позиций российских и американских экспертов по вопросам демократизации Ближнего Востока // Политика и Общество. – 2013. – 5. – С. 563 – 567. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.05.4.

References (transliterated):

1. Medeiros E.S. China's International Behavior, Activism, Opportunism and Diversification. Santa Monica, 2009. P. 82-83
2. Lo Bobo. Axis of Convenience Moscow, Beijing, and The New Geopolitics. London, 2008.
3. Lukin A. Rossiya i Kitai segodnya i zavtra, [v:] Rossiya i Kitai. Chetyre veka vzaimodeistviya. Moskva, 2013.
4. Burles M. Chinese Policy Toward Russia and the Central Asian Republics. Santa Monica, 1999. R. 8-11.
5. Luzyanin S.G. Rossiya i Kitai v Evrazii. Mezhdunarodno-regional'nye izmereniya rossiisko-kitaiskogo partnerstva. M., 2009.
6. Bosbotinis J. Sustaining the Dragon, Dodging the Eagle and Barring the Bear? Assessing the Role and Importance of Central Asia in Chinese National Strategy // China and Eurasia Forum. Quarterly, 2010. Vol. 8. № 1. R. 68.
7. Olcott M.B., Udalova N. Drug Trafficking on the Great Silk Road: Security Environment in Central Asia // Working Paper. № 11. Washington, 2000;
8. Lubin N., Klaitis A., Barsegian I. Narcotic Interdiction in Afganistan and Central Asia: Challenges for International Assistance. New York, 2002.
9. Czarkowska E. Rola elit władzy w kształtowaniu stosunków z Chinami // Przywództwo i elity polityczne w krajach WNP. Tom II. T. Bodio, W. Jakubowski (red.). Warszawa, 2010. S. 190.
10. Lachowki Z. Foreign Military Bases in Eurasia // SIPRI Policy Paper. 2007 (June). № 18. R. 47;
11. Luzyanin S.G. Politika Rossii i Kitaya v „klassicheskoi” Tsentral'noi Azii i formirovanie ikh obnovennoho imidzha v regione // Kitai v mirovoi i regional'noi politike. Istoriya i sovremennost'. Vypusk XIV. M., 2009. S. 89-91.
12. Roy D. China's Reaction to American Predominance // Survival. 2003 (Autumn). Vol. 45. Issue 3. P. 57-78.
13. Syroezhkin K.L. Problemy sovremennogo Kitaya i bezopasnost' v Tsentral'noi Azii. Almaty, 2006.
14. Sutter R.G. Chinese Foreign Relations. Power and Policy Since the Cold War // Lanham, 2010.
15. Fei Gao. The Shanghai Cooperation Organization and China's New Diplomacy. Antwerp, 2010;
16. Bailes A.J.K., Dunay P., Troitskiy M. The Shnaghai Cooperation Organization. Stockholm, 2007;
17. Chzhao Khuashen. Kitai, Tsentral'naya Aziya i Shankhaiskaya Organizatsiya Sotrudnichestva // Rabochie materialy. № 5. M., 2005.
18. Trenin D. Contemporaty Issues in International Security: Central Asia // Central Asian Security Trends : View from Europe and Russia, Strategic Studies Institute [US Army War College]. S. Blank (ed.). 2011. R. 44;
19. Kuchins A. Russian Perspectives on China: Strategic Ambivalence // The Future of China-Russia Relations. J. Bellacqua (ed.). University Press of Kentucky, 2010.
20. Cheng J. Y. S. Chinese Perceptions of Russian Foreign Policy During the Putin Administration: U.S.-Russia Relations and “Strategic Triangle” Considerations // Journal of Current Chinese Affairs. 2009. Vol. 38. № 2. R. 155.
21. Vasil'ev L. Problemy bezopasnosti v Tsentral'noi Azii: bor'ba s terrorizmom, separatizmom i ekstremizmom v formate ShOS // Shankhaiskaya Organizatsiya Sotrudnichestva. K novym rubezham razvitiya. M., 2008.
22. Weitz R. The Limits of Partnership: China, NATO and the Afghan War // China Security. 2010. Issue 16. R. 21-38;
23. Guang Pan. China's Policy on the Conflict in Afghanistan // China and Eurasia Forum Quarterly. 2010. Vol. 8. № 3. R. 115-120.
24. Osnovnye dokumenty i materialy po Shankhaiskoi Organizatsii Sotrudnichestva (Iyul' 2001-fevral' 2005). M., 2005. S. 28-40.
25. <http://sectesco.org> [15.06.2011].
26. Gleason G. The Uzbek Expulsion of U.S. Forces and Realignment in Central Asia // Problems of Post-Communism. Vol. 53. № 2. 2006. R. 49-60.
27. Oldberg I. The War on Terrorism in Russian Foreign Policy. Stockholm, 2006.
28. Haliżak E. Polityka i strategia Chin w kształtowaniu międzynarodowego bezpieczeństwa // Żurawia Papers. Zeszyt 10. Warszawa 2007. S. 87;
29. Bondarenko V. Sin'tszyan-Uigurskii avtonomnyi raion Kitaya v nachale XXI veka. M., 2011.
30. Bovingdon G. Autonomy in Xinjiang: Han Nationalist Imperatives and Uyghur Discontent // East-West Center Policy Studies. № 11. Washington, 2004;

31. Xinjiang: China's Muslim Borderland. S.F. Starr (ed.). Armonk, New York, 2004;
32. Clarke M. China's Integration of Xinjiang with Central Asia: Securing a „Silk Road” to Great Power Status? // China and Eurasia Forum Quarterly. 2008. Vol. 6. № 2. R. 89-111.
33. Counter-Terrorism and Human Rights: The Impact of the Shanghai Cooperation Organization. Hong Kong – New York, 2011. R. 127-212; [http://www.ecrats.com/ru/normative_documents/2172\[26.07.2010\]](http://www.ecrats.com/ru/normative_documents/2172[26.07.2010]).
34. Zhu Zhiquan. China's New Diplomacy: Rationale, Strategies, and Significance. Ashgate, 2010.
35. Paramonov V., Stolpovski O. Russia and Central Asia: Multilateral Security Cooperation. Defence Academy of The United Kingdom. March 2008;
36. Nikitina Ya.A. ODKB i ShOS: modeli regionalizma v sfere bezopasnosti. M., 2009.
37. Zhukov S.V., Reznikova O.B. Tsentral'naya Aziya i Kitai: ekonomicheskoe vzaimodeistvie v usloviyakh globalizatsii. M., 2009.
38. Graham T. The Sources of Russia's Insecurity // Survival. 2010. Vol. 52. № 1. R. 63.
39. Ziegler Ch.E. Russia and China in Central Asia // The Future of China-Russia Relations. James'a Bellacqua (ed.). Kentucky, 2010. R. 252-253.
40. Haližak E. Op. cit. S. 124; Zhukov S.V., Reznikova O.B. Tsit. proizv. S. 86-90.
41. Chow E.C., Hendrix L.E. Central Asia's Pipelines: Field of Dreams and Reality // NBR Special Raport. (September) 2010. № 23. R. 36;
42. Guan Pan. China and Energy Security in Central Asia // Central Asia and Caucasus. 2007. Vol. 48. № 6. R. 85-91;
43. Matveev V. China's Gas Policy in Central Asia // Central Asia and Caucasus. 2008. Vol. 53. № 5. R. 77-88.
44. Zweig D., Jianhai Bi. China's Global Hunt for Energy // Foreign Affairs.(September/October) 2005. Vol. 84. № 5. R. 25-38.
45. Garrison J.A. China and The Energy Equation in Asia: The Determinants of Policy Choice. Boulder, London, 2009.
46. Gleason G. China, Russia, and Central Asia: Triangular Energy Politics // China's Energy Relations with the Developing World. C. Liu i M. Dorraja (eds.). New York, London, 2011. R. 86.
47. Castes R. China's oil and gas supply strategy in its Western Margins (Xinjiang and Central Asia) // Materialy mezhdunarodnoi konferentsii «Tsentral'naya Aziya–Kitai: sostoyanie i perspektivy sotrudnichestva». Almaty, 2008. S. 104-105.
48. Blank S. China's Emerging Energy Nexus with Central Asia // China Brief. Vol. 6. 2006. № 15.
49. Olcott M. Vtoroi shans Tsentral'noi Azii. Moskva – Vashington, 2005; Sotrudnichestvo i bezopasnost' v Tsentral'noi Azii v usloviyakh politicheskoi i sotsial'no-ekonomicheskoi transformatsii. Almaty, 2007.
50. «Energeticheskaya strategiya Rossii na period do 2030 goda», prinyataya pravitel'stvom 13 noyabrya 2009 g. // <http://www.minenergo.gov.ru> [20.12.2009]
51. Iank S. The Strategic Implications of the Turkmenistan – China Pipeline Project // China Brief. 2010 (February 4). Vol. 10. № 3. R. 10-12.
52. Christofferson G. Multiple Levels of Sino-Russian Energy Relations // Eurasia's Ascent in Energy and Geopolitics. Rivalry or Partnership for China, Russia and Central Asia? N. Swanstrom, R.E. Badeski (eds.). London – New York, 2012. R. 135-159.
53. Shambaugh D. China Engages Asia. Reshaping the Regional Order // International Security. 2004/05 (Winter). Vol. 29. № 3. R. 74;
54. Chung Chien-peng. The Shanghai Co-operation Organization:China's Changing Influence in Central Asia // The China Quarterly. 2004. Vol. 180. R. 1007-1008.
55. Oldberg I. The Shanghai Cooperation Organization: Powerhouse or Paper Tiger? Stockholm, 2007. R. 28.
56. Manoilo A.V. Rol' strategii upravlyaemogo khaosa v formirovanii novogo miroporyadka // Pravo i politika. – 2014. – № 5. – S. 638-651. DOI: 10.7256/1811-9018.2014.5.11816.
57. Manoilo A.V. Ukrainskii krizis i «upravlyaemyi khaos»: sled «tsvetnykh revolyutsii» Arabskoi Vesny. // Vlast'. 2014. №4. S. 24-28.
58. Manoilo A.V. Uregulirovanie i razreshenie mezhdunarodnykh konfliktov. //Mir i Politika. 2013. №10. S. 130-140.
59. Manoilo A.V. Spetsifika tsvetnykh revolyutsii «arabskoi vesny». // Izvestiya Ural'sk. Federal'nogo Un-ta. Ser. 3. Obshchestvennye nauki. 2013. №3. S. 30-36.
60. Manoilo A.V. Geopoliticheskaya kartina sovremennogo mira. //Natsional'naya bezopasnost'/nota bene.-2013.-№5. – S. 149-155.
61. Kondakov S.A. Energeticheskaya strategiya Rossii na prostranstve SNG // Trendy i upravlenie. – 2013. – 3. – C. 108 – 115. DOI: 10.7256/2307-9118.2013.3.5274.
62. S. A. Sidorov Kontseptsiya natsional'noi bezopasnosti KNR v kontekste mezhdunarodnoi i natsional'noi bezopasnosti Rossii. // Pravo i politika. – 2011. – 9. – C. 1514 – 1524.
63. S. A. Nikolaev Politika SShA v Tsentral'noi Azii // Natsional'naya bezopasnost' / nota bene. – 2011. – 4. – C. 43 – 53.
64. S. A. Nikolaev Protivodeistvie vyzovam i ugrozam mezhdunarodnoi i regional'noi bezopasnosti v Tsentral'noi Azii // Natsional'naya bezopasnost' / nota bene. – 2011. – 6. – C. 46 – 54.
65. Kostyukhin A.A. Zapadnaya ekspertnaya otsenka vozmozhnostei i perspektiv voennogo sotrudnichestva s gosudarstvami Tsentral'noi Azii // Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2013. – 1. – C. 55 – 79. DOI: 10.7256/2305-560X.2013.01.8.
66. S. A. Nikolaev Politika Rossii v Tsentral'no-Aziatskom regione // Natsional'naya bezopasnost' / nota bene. – 2011. – 5. – C. 15 – 24.
67. Karpovich O.G. Afganistan – 2014 vo vneshnepoliticheskoi strategii SShA i Kanady // Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2013. – 4. – C. 510 – 512. DOI: 10.7256/2305-560X.2013.4.7305.
68. O.G. Karpovich Osobennosti pozitsii rossiiskikh i amerikanskikh ekspertov po voprosam demokratizatsii Blizhnego Vostoka // Politika i Obshchestvo. – 2013. – 5. – C. 563 – 567. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.05.4.